

О РОЛИ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЯ В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И В СОЦИАЛЬНОМ РАЗВИТИИ

А. Б. Вебер¹

¹Институт социологии ФНИСЦ РАН.
109544, Россия, Москва, ул. Большая Андроньевская, д. 5, стр. 1

Для цитирования: Вебер А. Б. О роли целеполагания в человеческой деятельности и в социальном развитии // Социологическая наука и социальная практика. 2021. Т. 9, № 4. С. 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8602

Аннотация. Цели человеческой деятельности многообразны, неоднозначны и часто противоположны. В статье целеполагание рассматривается в контексте понятий свободы и необходимости, как субъект-объектное отношение, с точки зрения двоякой роли сознания — как знания (обычно неполного, личного, иногда искажённого) об объекте, на который направлено действие субъекта, и как отношения к объекту. Целеполагание обусловлено потребностями человека, его интересами в материальной жизни и в других сферах. Доминирование в индивидуализированном обществе рыночной системы и частных интересов придаёт социальному развитию стихийный характер — это развитие, движимое множеством разных целей, но не общей целью. В процессе социального развития возникает разлад между частными интересами и общественными потребностями. Отсюда необходимость в развитии, направляемом общественным предвидением с целью предотвращения угрожающих тенденций. В свете глобальных вызовов и угроз оптимальное сочетание частных и общечеловеческих интересов становится всё более настоящей задачей, требующей изменения традиционных приоритетов. Одобренные саммитами ООН Цели устойчивого развития следует рассматривать с точки зрения создания условий для выживания человечества.

Ключевые слова: цели; человеческая деятельность; частные интересы; рыночная система; стихийность развития; общественное предвидение; устойчивое развитие

История — *не что иное*, как деятельность преследующего свои цели человека.

К. Маркс

Справедливость приведённого в качестве эпиграфа суждения вряд ли может быть оспорена. Подразумевалась, естественно, деятельность в самом широком смысле — как любая осознанная или не вполне осознанная целенаправленная практическая деятельность человека, как его *способ существования*, как отличительный признак «человека разумного».

За этим стоит многое, что вызывает вопросы, требующие специального рассмотрения. Насколько свободен человек, преследуя свои цели? Какие цели преследуют люди в повседневной жизни? Какими мотивами руководствуются? Как цели человеческой деятельности меняются во времени? И какие средства люди используют, чтобы добиваться своих целей? От чего всё это зависит и как проявляется в социальном развитии?

Проблематизация темы целеполагания в человеческой деятельности предполагает, очевидно, те или иные ответы на эти и им подобные вопросы. Сами по себе они не новы, в том или ином контексте постоянно становились предметом обсуждения в обыденной жизни, затрагиваются в научных трудах и в художественной литературе. В нашем быстро меняющемся мире они сохраняют актуальное теоретическое и практическое значение.

Свобода и необходимость

Эти две взаимно противоречивые стороны положения человека в мире, казалось бы отрицающие друг друга, тем не менее взаимосвязаны.

Необходимость как совокупность условий жизнедеятельности человека проявляется двояким образом: в объективных внешних условиях, природных и социальных, которые человек не выбирает, а находит готовыми — как данность, и в императивных внутренних побуждениях, обусловленных как биологической природой человека, так и особенностями его психики и нравственным чувством.

Реальные жизненные условия определяют круг интересов и предпочтений человека, его потребностей. Его действия не произвольны, не беспричинны, но и не детерминированы однозначно и жёстко. Обычно в каждый данный момент имеются разные возможности реагирования на обстоятельства. В этом смысле человек обладает свободой, за ним остаётся известная свобода выбора цели, а также имеющихся средств достижения желаемой цели.

Действительность можно принимать такой, какова она есть, подчиняться ей, но можно ей и противостоять, пытаться изменить ситуацию или ослабить зависимость от неблагоприятных обстоятельств, ориентируясь на реальные контртенденции¹. Свобода выбора не абсолютна, она всегда относительна, но реальна, это не умозрительное лишь качество, она не ограничена сферой сознания, как считал, например, И. Кант, а реализуется в человеческой деятельности, в общественной практике, которая в своих общих последствиях приводит к изменению и обстоятельств, и самого человека.

¹ В юридической практике существует понятие «обстоятельство непреодолимой силы», оно относится к чрезвычайным и неотвратимым внешним явлениям и событиям, освобождающим человека от ответственности в случае несоблюдения обязательств по договору или какого-то правонарушения.

Преодоление изначальной абсолютной несвободы человека – результат его собственной деятельности в ходе исторического развития. Дух свободы пробивается сквозь завесы инертности, покорности обстоятельствам, слепой веры в предопределённость человеческих судеб, наплывов чувства бессилия перед кажущимся непреодолимым господством непонятных и неконтролируемых внешних сил. Вынужденный к борьбе за существование, человек вольно или невольно старается ослабить зависимость от природных и социальных стихий. *Исторический процесс расширения пространства свободы происходит как результат созидательной деятельности, покорения сил природы, явного и неявного сопротивления закабалению, навязанным обязательствам и ограничениям личной свободы, в борьбе против деспотизма, произвола и бесправия.*

Целеполагание как субъект-объектное отношение

Целеполагание есть свойство сознания человека, его способности заранее представить себе направленность и способ своих действий и вообразить ожидаемый результат этих действий. Эта способность появляется у человека вместе с появлением и развитием сознания, т. е. осознанием себя как деятельного субъекта и своей необходимой связи с другими людьми и с природной средой [13].

Сначала это ещё преимущественно инстинктивная, рефлекторная коммуникация с другими людьми в противостоянии природным условиям и в совместном с другими стремлении поддержать своё существование. Целеполагание как акт сознания возникает в процессе развития речевой коммуникации, т. е. мышления, а вместе с тем и труда – как осознаваемых целенаправленных действий, начиная с изготовления орудий труда и активного воздействия на природу, диктуемого необходимостью обеспечить средства существования.

Сознательная деятельность предполагает некоторое знание об объекте, на который направлены действия человека, о том, как его можно использовать и что можно в результате получить. Сначала это, скорее, неявное, интуитивное, опытное знание [10], основанное на следовании обычаю, подражании, нечто рутинное, подсознательное. Со временем, по мере накопления опыта, обмена знаниями, стихийного разделения труда и социальных функций, цели человеческой деятельности становятся всё более дифференцированными и сложными. Возникают зачатки проектного мышления, целеполагание выходит за рамки непосредственных повседневных нужд, распространяется на замыслы долгосрочного характера, например – при строительных работах, в техническом и художественном творчестве, в различных видах социального действия.

Особенность целеполагания, как и вообще человеческой деятельности, состоит ещё и в том, что здесь присутствует не только неизбежно ограниченное, неполное знание об объекте, но и определённое отношение к нему, особенно если этот объект – другие люди [6]. В оценочном отношении к предмету, на который

направлены действия, проявляются владеющие человеком чувства, страсти и пристрастия, побуждающие подчас действовать «рассудку вопреки», не особенно задумываясь о возможных последствиях. Или вынуждающие действовать не по своей воле, подчиняясь требованиям власти.

Нередко под влиянием тех или иных эмоциональных мотивов люди ставят перед собой (и / или перед другими) нереальные, недостижимые цели, игнорируют и попирают принятые нравственные и правовые нормы. И наоборот, из чувства сострадания, солидарности, долга или вследствие вынужденной обязанности поступают вопреки собственной безопасности, жертвуют собой ради других — ближних или дальних. Под влиянием определённых убеждений, непримиримости к существующему общественному порядку они склоняются к бунтарству, возводимому приверженцами воинствующего анархизма в принципиальную позицию («Бунтующий человек» А. Камю!). А иногда действуют во вред себе, поддаваясь корыстным расчётам и подавляя знание о возможных последствиях.

От отношения людей к объекту своих действий во многом зависит и выбор *средств* достижения желаемой цели. При этом нередко совершаются деяния, когда цель оправдывает средства, даже самые неприглядные и жестокие, а то и преступные. Диссонанс между *общественной* сущностью человека и его подчас агрессивным, жестоким, бесчеловечным поведением предопределён как различиями в характере людей, волевых качествах, в темпераменте, так и в конкретных общественных условиях, в типе социализации, в воспитании, уровне культуры и образования. Отсюда — как разумные и ценностно-рациональные действия, альтруизм и самопожертвование, так и иррациональные, разрушительные по своим последствиям мотивы и цели. В большинстве своём люди способны на то и на другое — в зависимости от обстоятельств. *Поистине, история есть деятельность человека, преследующего свои цели, очень разные и разнонаправленные.*

Цели повседневности и стихийность развития

Действия людей в повседневной жизни обусловлены *потребностями*, непосредственными нуждами — как биологическими (витальными), заложенными в природе любого живого организма, так и социальными: потребностью в общении с другими людьми, во взаимодействии и взаимопомощи, в совместной защите от внешних угроз.

В отличие от биологических потребностей, ощущаемых инстинктивно, социальные потребности получают выражение в более или менее осознанных *интересах*, побуждающих к поиску способов и предметов их деятельной реализации, т. е. предполагают целенаправленные действия. Удовлетворение одних потребностей, начиная с самых элементарных, становится предпосылкой появления новых потребностей, более высокого порядка и более разнообразных.

В основе повседневной жизни лежат материальные потребности. Материальная жизнь, по словам французского историка Ф. Броделя, это «та сторона жизни, в которую мы оказываемся вовлечены, даже не отдавая в том себе отчёта, — привычка, или даже рутинная, эти тысячи действий, протекающих и заканчивающихся как бы сами по себе, выполнение которых не требует ничего решения и которое происходит, по правде говоря, почти не затрагивая нашего сознания» [3, с. 13].

Человечество, констатировал Бродель, «более чем наполовину погружено в такого рода повседневность. Неисчислимые действия, передававшиеся по наследству, накапливавшиеся без всякого порядка, повторяющиеся до бесконечности, прежде чем мы пришли в этот мир, помогают нам жить — и одновременно подчиняют нас, многое решая за нас в течение нашего существования. Здесь мы имеем дело с побуждениями, импульсами, стереотипами, приёмами и способами действия, а также различными типами обязательств, вынуждающих действовать, которые, причём чаще, чем это можно предполагать, восходят к самым незапамятным временам» [3, с. 13].

Капитализм как общественный строй, основанный на рыночных отношениях и частной собственности, ориентирует действия людей на утилитарные принципы индивидуальной максимизации дохода и пользы [8, с. 10]. Буржуазному либерализму свойственно представление об индивиде как о «человеке экономическом», поведение которого подчинено принципу утилитарной рациональности — калькуляции выгод и издержек, максимизации первых и минимизации вторых, стремлению к присвоению и обладанию. «Природа обладания вытекает из природы частной собственности» [15, с. 103]. Обладание как форма связи субъекта и объекта придаёт этой связи особый характер: значимость «Я» для субъекта становится функцией объекта обладания. Индивид привыкает соотносить себя с тем, чем он обладает. Чем больше он имеет, тем значительней представляется ему собственная личность. Так часто оценивают его и другие («сколько он стоит?» — спрашивают американцы, интересуясь кем-либо). На место живой человеческой связи ставятся вещные отношения.

Общественная связь при этом не исчезает, но она возникает не вследствие рефлексии, а *стихийно*, как следствие нужды или эгоизма индивидов. Эгоизм порождается не частной собственностью самой по себе (точнее, не только собственностью), его корни глубже, они лежат в двойственном характере сущности человека, в его общественном и одновременно отдельно-частном, индивидуальном бытии, в вольной или невольной абсолютизации личного интереса.

Преобладание предпосылок к стихийности в социально-экономическом развитии на протяжении всей прошлой истории человечества диктовалось объективными условиями, которые практически исключали возможность иного

типа развития¹. Да и приверженность религиозному сознанию, проникнутому верой в Божественное провидение, в предопределённость хода событий и человеческих судеб Божьей волей, не располагало к активности с целью изменения существующего общественного порядка².

Социальные философы и политэкономы прошлого пытались найти в стихийности рыночного развития благотворное начало [2, с. 27–44]. «Пороки частных лиц — благо для общества», — такой парадоксальный тезис (возможно, с сатирическим подтекстом) развивал в своей знаменитой «Басне о пчёлах» Б. Мандевиль (1670–1733). Позднее А. Смит (1723–1790) использовал в своём классическом труде о происхождении богатства народов метафору «невидимой руки» рынка, стремясь доказать, что стремление к личной выгоде непреднамеренным образом служит общему благу³. Участники рыночных отношений, полагал он, преследуя собственную выгоду, больше способствуют общему благу, чем если бы они руководствовались мотивами, интересами и заботой о других. На личный интерес, считал Смит, можно положиться, поскольку моральные сдержки, коренившиеся в религиозных, сословных, цеховых и иных традиционных учреждениях, должны побуждать людей скорее к благоразумию и бережливости, чем к расточительности, а забота о собственной репутации удержит от недобросовестности и обмана [14, с. 315].

Увы, эти предположения, если и были отчасти оправданы в условиях своего времени, в долгосрочной перспективе оказались слишком оптимистичными. Свойственная людям тенденция к эгоизму проявляется как в здоровом, «разумном» эгоизме, так нередко и в своих самых неприглядных формах: в зависти, алчности, властолюбии, в готовности к обману и мошенничеству, к преступным действиям. Тем не менее ревностных защитников рыночной стихийности и культура частного немало и сегодня.

Согласно воззрениям крупнейшего в XX в. теоретика и идеолога неолиберализма (или, что то же, неоконсерватизма) Ф. фон Хайека, «свободный рынок» — это универсальный принцип человеческих отношений. Главное и абсолютное его достоинство, утверждал он, произвольно экстраполируя прошлое на настоящее и будущее, именно в его стихийности, в господстве безличных и лишь кажущихся

¹ Поэтому социалистические утопии, во множестве появившиеся в своё время, оставались лишь мечтанием, умозрительным конструированием идеального общества, а эксперименты в этом направлении постоянно терпели неудачу. Впрочем, либеральный идеал свободы, равенства, братства тоже оказался иллюзией, утопической конструкцией, обернувшись на деле жестокой реальностью дикого капитализма эпохи промышленной революции.

² Фатализм в отношении хода общественного развития не обязательно имел религиозное происхождение. Можно вспомнить в связи с этим историкофилософские суждения Льва Толстого в романе «Война и мир»: «Есть две стороны жизни в каждом человеке: жизнь личная, которая тем более свободна, чем отвлечённее её интересы, и жизнь стихийная, роевая, где человек неизбежно исполняет предписанные ему законы. — Человек сознательно живёт для себя, но служит бессознательным орудием для достижения исторических общечеловеческих целей».

³ «Отдельные несчастья создают общее благо, так что, чем больше таких несчастий, тем лучше», — иронизировал по этому поводу Вольтер словами своего литературного персонажа доктора Панглоса.

«иррациональными» рыночных сил. Любые попытки сознательного управления обществом, утверждал Хайек, пагубны¹. Человек должен подчиниться рыночной стихии в своих собственных интересах, так как единственной альтернативой является подчинение власти, «столь же неконтролируемой, а потому деспотичной» [16].

Предвзятость заставляла закрывать глаза на существенные изъяны современного рыночного порядка. «Горькая правда состоит в том, — писал А. Гор (бывший вице-президент Соединенных Штатов), — что наша экономическая система частично слепа. Многие она видит, но многого и не замечает. Она тщательно просчитывает то, что представляет наибольшую ценность для покупателей и продавцов, всё, что касается продуктов питания, одежды, промышленных товаров, труда и, уж конечно, денег. Но в её расчетах часто не учитывается ценность того, что гораздо труднее купить и продать: чистой воды и свежего воздуха, красоты гор, лесов с разнообразнейшей флорой и фауной и так далее. Именно частичная слепота нынешней экономической системы и есть могущественная сила, стоящая за иррациональными решениями, касающимися эволюции нашей планеты» [4, с. 560].

Но «частично слепа» — это не вся правда. Слепота рыночной системы проявляется не только в склонности многих бизнесменов в погоне за прибылью перекладывать на общество побочные экологические издержки. Рыночные акторы руководствуются преимущественно краткосрочными целями, ориентируясь на скорую прибыль, а не на долгосрочные интересы общества. Они провоцируют сверхпотребление, расточительность, навязывая обществу часто иррациональные потребительские стандарты. *Рынку присуща тенденция к безграничной экспансии — в том числе в сферу социальных услуг, культуры, спорта и даже в сферу политики, к подчинению всего общества ценовому механизму спроса и предложения* [11].

Предпосылки стихийности общественного развития заключены не только в специфике рыночной экономики, но и в процессах неэкономического порядка, лишь опосредовано связанных с хозяйственной деятельностью. Главный из них — это стихийность демографических процессов, роста мирового населения. В основе демографических процессов лежит биологическая природа человека. Рост населения представляет собой естественный процесс, который испытывает, конечно, те или иные колебания, свои взлёты и падения в разное время и в разных странах под влиянием внешних природных и социальных условий (климата, эпидемий, последствий войн, состояния медицины и пр.), но в долгосрочном плане подчиняется присущим ему внутренним закономерностям [7].

Стихийность присуща и научно-техническому прогрессу. Порождаемый во многом экономическими интересами и потребностями, он обладает и своей собственной динамикой, обусловленной свойственной творческим умам пытливостью,

¹ Односторонность своего подхода Хайек фактически сам признал, сделав в последней своей книге оговорку: его упор на спонтанности может, мол, ввести в заблуждение, если создаст у читателя впечатление, будто сознательно создаваемые и управляемые организации совершенно не важны. Но такие организации, в том числе государственные, от которых можно ожидать «громкого продвижения вперёд», полезны лишь в качестве элементов «спонтанного макропорядка», его «обрамления» [17, с. 67–68].

стремлением постичь неизвестное, применить свои знания на практике, принести пользу людям. Уже сделанные открытия и изобретения дают импульс дальнейшим исследованиям, научно-технические достижения в одной области приводят к новым открытиям и изобретениям в других областях. В новейшее время изобретательская деятельность всё больше сосредоточивается в крупных организациях, проникается коммерческими, меркантильными интересами. Эксперты предупреждают: неконтролируемый технический прогресс в некоторых направлениях (это относится не только к оружию массового поражения) несёт всё больше угроз для человечества.

Не составляет исключения и сфера политики, политических отношений. Будучи отражением столкновения множества интересов отдельных людей и общественных групп, политические отношения приобретают конфликтный характер. В результате явной или скрытой борьбы за доступ к ресурсам и благам, за влияние и власть стихийно складывается тот или иной политический и государственный порядок [18]. С одной стороны, он призван предотвращать угрожающую целостности социума «войну всех против всех», с другой — сам становится ареной сталкивающихся интересов властных структур, чиновничьих карьерных амбиций, а то и источником личного обогащения.

Если, тем не менее, на национально-государственном уровне властям удаётся в какой-то мере поддерживать в обществе законность, политическую и социальную стабильность, то на международной арене тенденция к хаотическому стихийному развитию преобладает. Попытки упорядочить межгосударственные отношения на основе принципов международного права наталкиваются на огромные трудности, связанные с различиями в положении разных стран, в их ресурсном и производственном потенциале, с территориальными и геополитическими претензиями, с этнокультурными, идеологическими, религиозными противоречиями и конфликтами, с характерной для многих политиков тенденцией руководствоваться в первую очередь своими текущими заботами в ущерб долгосрочным задачам.

Дуализм частного и общего

В «обществе индивидов» [20] каждое жизненное стремление человека становится его потребностью, *личным интересом*, включающим и его заинтересованность в других людях. Но связь индивидов в обществе (за пределами родственных и других близких отношений) приобретает отчуждённую, внешнюю форму, воплощаясь в товарно-денежных отношениях и в государстве, которое, будучи выразителем интересов привилегированного меньшинства, претендует представлять всеобщий интерес, но для большинства является чем-то чуждым и даже враждебным.

Деятельность людей как индивидов, преследующих свои особые, частные интересы, образует важнейшую сторону человеческого бытия. Другая его сторона, не всегда очевидная и сознаваемая действующими субъектами, — их *общие интере-*

сы, которые даны объективно, как необходимое взаимодействие людей вследствие общественного разделения труда, как потребность в общении, в межличностной коммуникации, в совместной защите от внешних угроз, в решении всё более сложных задач, которые превосходят возможности отдельного человека.

В классовом обществе частные и общие интересы не только разделены и не совпадают, но часто и противоположны, вплоть до полной несовместимости. Участники рыночных сделок оказываются обычно в положении антагонистов, поскольку обе стороны, хотя и заинтересованы друг в друге, стремятся при этом извлечь наибольшую выгоду для себя. Рынок — неравновесная система, ему присущи изъяны (market failures), которые оборачиваются ощутимыми издержками для общества и природной среды.

Закономерным ответом на рыночную экспансию становится возрастающая роль публичных институтов, правового регулирования экономической жизни, рыночной конкуренции. Государственные власти вынуждены устанавливать какие-то общие «правила игры», вмешиваться в решение проблем, с которыми рынок не справляется или справляется плохо, а то и вовсе ими не интересуется (в сфере социального страхования, народного образования, здравоохранения, развития средств транспорта и связи, энергетики, защиты окружающей среды). Но тенденция к сращиванию крупного бизнеса с государственной властью приводит к тому, что действия последней в этом направлении оказываются весьма непоследовательными, а их эффективность ограничена.

В условиях политической демократии сопротивление рыночной экспансии исходит и от гражданского общества, от рабочего и профсоюзного движения, других массовых движений и организаций, от политических партий, которые не могут не учитывать, в том числе и в качестве правящих, интересы своего электората. Поэтому всё более явной становятся присущие современным обществам проявления «напряжённости между капитализмом и демократией» — как двух систем взглядов с разными векторами ценностной ориентации [19, с. 44–45].

Продвижение своих частных интересов побуждает индивидов к кооперации в рамках создаваемых ими организаций. Возникают сложные иерархические структуры производственного и общественного характера. При этом частные интересы индивидов становятся собирательным, общим интересом малых групп (семей, фирм, поселений, профессиональных ассоциаций), а их общие интересы оказываются частными по отношению к интересам больших групп, организаций более высокого уровня (класса, нации, государства). Точно так же национальные, государственные интересы становятся «частными» по отношению к интересам мирового сообщества, человечества, которые, конечно, не могут быть частными, поскольку не существует более высокого суверенного авторитета. *Но человечество в своей совокупности не стало пока и субъектом, вполне осознавшим свои объективно существующие общие интересы.*

Взаимосвязь, взаимообусловленность частного и общего подтверждается в современных условиях и побочными издержками ориентации рынка преимущественно на частные интересы, и его неспособностью удовлетворить все

пробуждаемые им же потребительские желания граждан. По мере становления *массового общества* и массового потребления всё явственней становилась двусмысленность либеральной модели потребительского общества, которая обещает больше, чем может дать. Рынок порождает завышенные ожидания, обманчивые для многих. Так называемому «обществу изобилия» парадоксальным образом сопутствует феномен относительной лишённости: то, что хотят и могут иметь одни, не могут получить все и сразу. Предприниматели особенно заинтересованы в спросе на товары и услуги со стороны более состоятельных потребителей, в производстве предметов роскоши. А производство благ и услуг, доступных массовому спросу, рынок доводит до состояния потребительского ажиотажа, до избыточности, вызывающей у людей психологический дискомфорт.

Разлад между частными интересами и общественными потребностями указывает на *социальные пределы* рыночной эффективности. Значимость пользования благами и услугами для частных лиц всё больше зависит от потребительской деятельности других людей. Возрастают значение социальных условий потребительской деятельности, роль коллективного обеспечения индивидуальных потребностей. Этот «невольный коллективизм» (*reluctant collectivism*) стихийно пробивается сквозь индивидуалистический строй капиталистического общества, вопреки господству частнособственнических отношений [21]¹.

Тем не менее культ частного, превознесение индивидуальной свободы по-прежнему остаются определяющим принципом функционирования западной цивилизации, движимой рыночной системой. Это привело к крайней степени социального, имущественного неравенства в мире, подрыву межпоколенческой мобильности, ухудшению состояния здоровья менее обеспеченных людей, упущенным возможностям для молодёжи из бедных слоёв получить качественное образование, всё большему числу случаев депрессии, психических заболеваний. Чем выше неравенство по доходам, тем больше взаимного недоверия. Неограниченная жажда богатства разлагает общество, ведёт к эрозии демократии, трансформируется в соперничество из-за статуса и обладания благами, в презрительное высокомерие богатых по отношению к бедным [22].

Верх плутократических прихотей — соперничество американских миллиардеров за первенство в использовании частных космических кораблей с целью доставки туристов на околоземную орбиту или полётов на Луну, на Марс и бог знает куда ещё, которое они объясняют желанием помочь в изучении возможности переселения людей на другие планеты в случае угрозы для жизни на Земле. О том, что попытки реализовать эти фантазии могут лишь усугубить такую угрозу, миллиардеры вряд ли задумываются. Честолюбивые амбиции для них важнее, а недостатка в средствах они не испытывают.

¹ Так, предприниматели заинтересованы в бесперебойном функционировании инфраструктурных систем, владельцы частного жилья нуждаются в услугах городских коммунальных служб, массовая автомобилизация требует улучшения дорожных условий и работы общественного транспорта, супермаркеты становятся предметом особого внимания пожарных служб и т. д.

Для большинства людей, даже в богатых странах, формальное расширение индивидуальной свободы, если оно и имеет место, не означает соответствующей возможности реализовать её на деле. Давление неконтролируемых глобальных сил подталкивает многих к мысли, что законы, по которым живёт современное общество, определены раз и навсегда и любые попытки что-то изменить бесполезны. Утрачивается вера в возможность добиться желаемых изменений законным путём, в рамках конституционного права, а в результате — эрозия гражданственности, вспышки бессмысленного насилия, бунтарства [1, с. 215–216].

Вместе с тем распространение различных волонтёрских движений свидетельствует о том, что культ частного не смог полностью вытеснить в общественном сознании коллективистские мотивы. *Поиск оптимального сочетания частных и общественных интересов — трудная, но крайне важная задача социальной политики, необходимое условие как решения насущных проблем развития общества, так и возможностей реализации общественно признанных частных интересов граждан.*

Целью такой политики должно быть не обобществление производства, не тотальное централизованное директивное планирование, не идеальное общество, а преодоление хаотических тенденций и их разрушительных последствий. Речь идёт о том, чтобы в предвидении угрожающих последствий стихийности шире и эффективнее использовать возможности *направляемого* развития [9]. На необходимость *осознания* стихийных предпосылок развития и подчинения его общественному контролю указывал ещё К. Маркс. Но эта задача виделась ему как осуществление контроля «ассоциированными производителями», т. е. в контексте классовой борьбы и движения к коммунизму. Время диктует более широкое её понимание, в общечеловеческом контексте. Такое понимание приходит под влиянием всё более ощутимых свидетельств того, что антропогенное воздействие на природную среду стало выходить за пределы «несущей способности» земных экосистем, угрожая подрывом нормальных условий существования человечества.

Цивилизационный кризис и цели устойчивого развития

Современное мировое развитие парадоксально: с одной стороны — поразительные технические и экономические достижения цивилизации, открывающие невиданные прежде возможности создания достойных условий жизни для всех, с другой — и отчасти вследствие этих достижений — угрозы для природной среды, для здоровья и жизни людей, разительные контрасты богатства и бедности, столкновение интересов, очаги конфликтов и войн, неопределённость будущего.

Доминирующий тип развития, ориентированный на безграничный экономический рост, привёл к подрыву биосферного равновесия. Фактическое потребление человечеством природных биоресурсов далеко вышло за пределы биоёмкости планеты, т. е. ежегодного естественного воспроизводства потреблённых ресурсов. Возобновляемые ресурсы практически перестали быть таковыми, поскольку уже

не восстанавливаются в необходимом количестве и качестве. Недопустимо растёт «углеродный след»: эмиссия продуктов сгорания ископаемого топлива превысила поглощающую способность земной поверхности.

Концентрация вследствие этого парниковых газов в атмосфере грозит катастрофическим повышением приземной температуры. Изменение климата сопровождается всё более частыми и всё более разрушительными погодными катаклизмами. В результате загрязнения окружающей среды, несмотря на все достижения и усилия медицины, ослабляется сопротивляемость иммунной системы человека инфекционным заболеваниям. Принявшая планетарный масштаб пандемия коронавируса унесла более 5 млн жизней¹. Эксперты предупреждают: возможны новые пандемии такого рода — ещё более опасные. Возникла реальная угроза для устойчивости генома человека.

Неоднозначны для человека последствия впечатляющих достижений научно-технического прогресса, особенно в сфере информатики. Увлечение «искусственным интеллектом» заставляет вспомнить древний миф о Големе — искусственном существе, которое сначала исправно служило людям, а потом взбунтовалось, вырвалось из-под контроля своего создателя. Если бы такая опасность существовала только в воображении писателей-фантастов! Но она реальна как тенденция ко всё большей зависимости людей от «умных» технологических устройств, навязывающих человеку свои алгоритмы действия, к подмене живого человеческого общения виртуальным, к манипулированию поведением людей, как возможность использовать новейшую технику в антигуманных, преступных целях.

Ответом на вызовы индустриализма, демографических процессов, социальных и экологических последствий безудержного и расточительного экономического роста и консьюмеризма стала концепция *устойчивого развития*. Она получила признание в мировом сообществе, в одобренных на саммитах ООН Целях устойчивого развития и в принятых государствами — членами ООН соответствующих конкретных обязательствах.

Цели устойчивого развития находят позитивный отклик в общественном мнении рядовых граждан многих стран. Показательны результаты одного опроса в США (июль 2020 г.) — об отношении к финансированию помощи другим странам на цели устойчивого развития, если эти страны выполняют свою часть обязательств. Речь шла о пяти ключевых целях: ликвидации хронического голода, общедоступности вакцин, чистой воды, источников энергии и образования для детей. Большинство опрошенных высказались за повышение бюджетных расходов на помощь в решении этих задач, даже если это потребовало бы увеличения федеральных налогов².

В то же время концепция устойчивого развития в её первоначальной трактовке — как развития, которое «удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои

¹ По данным на момент опубликования статьи (*прим. ред.*).

² World Public Opinion URL: http://publicconsultation.org/WP-content/uploads/2020/07SDG_Report_0720.pdf (дата обращения: 21.04.2021).

потребности», — оказалась весьма уязвимой для критики. Дефект такой трактовки в том, что под потребностями «настоящего времени» подразумевались и потребительские стандарты стран высокого уровня развития, а условие не ставить под угрозу потребности будущих поколений отнесено к каким-то неизвестным нам потребительским притязаниям людей в неопределённом будущем.

Это наложило свой отпечаток и на трактовку ближайших целей устойчивого развития в их расширенном понимании — как взаимосвязи экономических, социальных и экологических целей. Задача согласования их количественных и временных параметров пока удовлетворительным образом не решена. Эксперты исходили, правда, из того, что в долгосрочном плане обязательства государств в этом отношении будут уточняться и корректироваться в будущем, по мере продвижения к общей цели устойчивого развития.

Требуется более строгое определение устойчивого развития, которое исходило бы из научного представления об объёме допустимых антропогенных воздействий на биосферу, совместимом с сохранением её гомеостаза. Этому соответствовало бы определение устойчивого развития как такого общественного развития, «при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека и социально деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества» [5, с. 925].

Действительную цель устойчивого развития следует понимать как обеспечение условий для выживания человечества. Это задача социально-этического характера, она требует изменения преобладающих ценностных оснований человеческой деятельности и приоритетов в политике. На смену безудержному консьюмеризму и утилитарному, потребительскому отношению к природе должно прийти осознание самоценности природы, ограниченности доступных для эксплуатации земных природных ресурсов, невозможности безграничного экономического роста, этических принципов *достаточности, умеренности и ответственности.*

Цели устойчивого развития пока не стали приоритетом в мировой политике. Этому препятствует огромный разрыв в уровнях развития между богатыми и бедными странами, нестабильность международных отношений, соперничество великих держав в военной сфере, заставляющее тратить огромные ресурсы на вооружения. Конфронтационные тенденции берут верх над объективной необходимостью в солидарности и сотрудничестве всех государств с целью предотвращения последствий глобальных вызовов, угрожающих человечеству.

Реальные возможности для постепенного продвижения в направлении устойчивого развития существуют. Возможное всегда богаче уже существующего. Разумный выбор целей и скоординированные действия могли бы придать мировому развитию новое качество, адекватное существующим глобальным угрозам. *Это вопрос политической воли, способности и готовности тех, кто принимает решения, исходить в своих действиях прежде всего из всеобщей и высшей для человечества цели — его выживания.* Недавно опубликованная первая часть 6-го Оценочного доклада Межправительственной группы экспертов по изменению климата содержит очень тревожный вывод: глобальное потепление ускоряется,

угрожая вселенской катастрофой. Особая ответственность ложится на великие державы, на мировых лидеров. Они должны дать миру шанс на создание глобальной системы всеобщей безопасности, на устойчивое будущее.

Список литературы

1. *Бауман З.* Индивидуализированное общество / Пер. с англ. ; под ред. В. Л. Иноземцева. М. : Логос, 2005. 390 с.
2. *Белик А. А.* Человек в экономической антропологии / А. А. Белик ; Ин-т этнологии и антропологии РАН им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М. : Издательство Ипполитова, 2013. 370 с.
3. *Бродель Ф.* Динамика капитализма / Пер. с франц. Смоленск : «Полиграмма», 1993. 124 с.
4. *Гор А.* Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели // Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология. М. : Academia, 1999. С. 555–571.
5. *Данилов-Данильян В. И.* Устойчивое развитие // Глобалистика: Международный энциклопедический словарь / Гл. ред. И. И. Мазур, А. Н. Чумаков. М. ; СПб. ; Н.-Й. : ИД «ЕЛИМА», ИД «ПИТЕР», 2006. С. 925.
6. *Каган М. С.* Человеческая деятельность. (Опыт системного анализа). М. : Политиздат, 1974. 328 с.
7. *Капица С. П.* Общая теория роста человечества: сколько людей жило, живёт и будет жить на Земле. М. : Наука, 1999. 189 с.
8. *Козловски П.* Этика капитализма; Эволюция и общество: Критика социобиологии / С коммент. Дж. М. Бьюкенена; Пер. с нем. и ред. М. Н. Грецкого. СПб. : Экономическая школа, 1996. 157 с.
9. *Моисеев Н. Н.* Современный рационализм. М. : МГВП КОКС, 1995. 376 с.
10. *Полани М.* Личностное знание / Пер. с англ. ; общ. ред. В. А. Лекторского, В. И. Аршинова ; предисл. В. А. Лекторского. М. : «Прогресс», 1985. 344 с.
11. *Полань К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А. А. Васильева [и др.]; Под общ. ред. С. Е. Федорова. СПб. : Алетейя, 2002. 311 с.
12. *Полань К.* Избранные работы. М. : Изд. дом «Территория будущего», 2010. 200 с.
13. *Поршнев Б. Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М. : Мысль, 1974. 487 с.
14. *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / Пер. с англ. П. Ключкина. М. : Эксмо, 2016. 1056 с.
15. *Фромм Э.* Иметь или быть? / Пер. с англ. Н. И. Войскунской и И. И. Каменкович. Общ. ред. и вступ. статья В. И. Добренькова. М. : «Прогресс», 1986. 238 с.
16. *Хайек Ф. А.* Дорога к рабству / Пер. с англ. М. Гнедовского. М. : Астрель : Полиграфиздат, 2012. 317 с.
17. *Хайек Ф. А.* Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Пер. с англ. М. : Изд-во «Новости», при уч. изд-ва «Catalaxu», 1992. 304 с.
18. *Хантингтон С.* Политический порядок в меняющихся обществах / Пер. с англ. В. Р. Рокитянского. М. : Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
19. *Шлезингер Артур М.* Циклы американской истории / Пер. с англ. П. А. Развина и Е. И. Бухаровой. М. : Прогресс-Академия, 1992. 688 с.
20. *Элиас Н.* Общество индивидов / Пер. с нем. М. : Практис, 2001. 331 с.

21. Hirsch F. *Social Limits to Growth*. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1978. 202 p.
22. Judt T. *Ill Fares the Land. A Treatise on Our Present Discontents*. L. : Penguin Books, 2011. 256 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вебер Александр Борисович — доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

E-mail: p.v3ber@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: 490643

Дата поступления в редакцию: 31.05.2021. Принята к печати: 07.07.2021.

DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8602

On the Role of the Goal-Setting in Human Activity and Social Development

Alexander B. Veber¹

¹Institute of Sociology of FCTAS RAS.

5, b.1, Bol'shaja Andron'evskaja str., Moscow, Russia, 109544

For citation: Veber A. B. (2021). On the role of the goal-setting in human activity and social development. *Sociologicheskaja nauka I social'naja praktika*. Vol. 9, № 4. P. 7–22. DOI: 10.19181/snsp.2021.9.4.8602

Abstract. The goals of human activity are diverse, ambiguous and often opposite. In the article, goal-setting is seen in the context of the concepts of freedom and necessity, as a subject-object attitude, from the point of view of a dual role of consciousness — as knowledge (usually incomplete, personal, sometimes distorted) about the object to which the action of the subject is directed, and as an attitude to the object. The goal-setting is determined by the needs of the person, his interests in material life and other spheres. The dominance of the market order and private interests in an individualized society gives social development a spontaneous character — a development driven by many different goals, but not by common purpose. In the process of social development a discord is arising between private interests and social needs. Hence there is the need for development guided by social foresight in order to prevent threatening tendencies. In the light of global challenges and threats, the optimal combining of private and common human interests is becoming an increasingly urgent task, requiring changes in traditional priorities. The Sustainable Development Goals approved by the UN summits should be considered in terms of creating conditions for the survival of mankind.

Keywords: the goals of human activity; private interests; market order; spontaneous development; social foresight; sustainable development

REFERENCES

1. Bauman Z. (2005). *Individualizirovannoe obschestvo*. [The Individualized Society]. M. : Logos publ. 390 p. (In Russ.).
2. Belik A. A. (2013). *Chelovek v ekonomicheskoy antropologii*. [Man in Economic Anthropology]. M. : Ippolitova publ. 370 p. (In Russ.).
3. Braudel F. (1993). *The Dynamics of Capitalism*. Smolensk : Poligramma publ. 124 p. (In Russ.).

4. Gor A. (1999). *Earth on the Balance: Forging a New Common Purpose* // Novaya industrial'naya volna na Zapade: Antologiya. M. : 1999. P. 555–571. (In Russ.).
5. Danilov-Danil'yan V. I. (2006). Ustoichivoe razvitie. [Sustainable Development]. *Globalistika: Mezhdunarodnyj ensiklopedicheskij slovar'*. M. : St. Petersburg : New York : ELIMA publ., PITER publ. P. 925. (In Russ.).
6. Kagan M. S. (1974). *Chelovecheskaya deyatel'nost' (Opyt sistemnogo analiza)*. [Human Activity (Experience of System Analysis)]. M. : Politizdat publ. 328 p. (In Russ.).
7. Kapitsa S. P. (1999). *Obschaya teoriya rosta chelovechestva: skol'ko lyudej zhilo, zhivet i budet zhit' na Zemle*. [General theory of human growth: how many people lived, lives and will live on Earth]. M. : Nauka publ. 189 p. (In Russ.).
8. Koslowski P. (1996). *Etika kapitalizma; Evolutziya i obschestvo*. [Ethik des Kapitalismus; Evolution und Gesellschaft]. St. Petersburg : Ekonomicheskaja shkola publ. 157 p. (In Russ.).
9. Moiseev N. N. (1995). *Sovremennyj ratsionalizm*. [Modern Rationalism]. M. : MGVP KOKS publ. 376 p. (In Russ.).
10. Polanyi M. (1985). *Lichnostnoe znanie: na put'i k postkriticheskoj filosofii*. [Personal knowledge: Towards a post-critical philosophy]. M. : Progress publ. 344 p. (In Russ.).
11. Polanyi K. (2002). *Velikaya transformatsiya: politicheskie i ekonomicheskie istoki nashego vremeni*. [The Great Transformation: the Political and Economic Origins of Our Time]. St. Peterburg : Aleteiya publ. 311 p. (In Russ.).
12. Polanyi K. (2010). *Izbrannye raboty*. [Selected works]. M. : Territoriya buduschego publ. 200 p. (In Russ.).
13. Porshnev B. F. (1974). *O nachale chelovecheskoj istorii (problemy paleopsihologii)*. [About the beginning of human history (The problems of paleopsychology)]. M. : Mysl' publ. 487 p. (In Russ.).
14. Smith A. (2016). *Issledovanie o prirode i prichinah bogatstva narodov*. [Inquiry into the nature and causes of the wealth of nations]. M. : Eksmo publ. 1056 p. (In Russ.).
15. Fromm E. (1986). *Imet' ili Byt'?* [To Have or to Be?]. M. : Progress publ. 238 p. (In Russ.).
16. Hayek F. A. (2012). *Doroga k rabstvu*. [The Road to Serfdom]. M. : Astrel' publ. 317 p. (In Russ.).
17. Hayek F. A. (1992). *Pagubnaya samonadeyannost'. Oshibki sotsializma*. [The Fatal Conceit. The Errors of Socialism]. M.: Novosti publ. and "Catallaxy" publ. 304 p. (In Russ.).
18. Huntington S. P. (2004). *Politicheskij poryadok v menyayuschihhsya obschestvah*. [Political Order in Changing Societies]. M. : Progress-Traditsiya publ. 480 p. (In Russ.).
19. Schlezinger Jr. A.M. (1992). *Tsikly amerikanskoj istorii*. [The cycles of American history]. M. : Progress-Akademiya publ. 688 p. (In Russ.).
20. Elias N. (2001). *Obschestvo individov*. [Die Gesellschaft der Individuen]. M. : Praxis publ. 331 p. (In Russ.).
21. Hirsch F. (1978). *Social Limits to Growth*. Cambridge, Mass. : Harvard University Press. 202 p.
22. Judt T. (2011). *Ill Fares the Land. A Treatise on Our Present Discontents*. L. : Penguin Books. 256 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Veber Alexander Borisovich, Doctor of Historical Sciences, Main Researcher,
Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia.
E-mail: p.v3ber@yandex.ru

The article was submitted on May 31, 2021. Accepted on July 07, 2021.